

Л. А. ДМИТРИЕВ

Публицистические идеи „Сказания о Мамаевом побоище“

На основании текстологических наблюдений и анализа исторических реалий мы пришли к заключению, что „Сказание о Мамаевом побоище“ было написано в первой четверти XV века.¹

Внимание к Куликовской битве в это время подсказывалось обострившимися взаимоотношениями с Золотой Ордой, в частности таким событием, как нашествие Едигея на Русь в 1408 году. Современники объясняли успех Едигея недостаточной сплоченностью русских князей, отсутствием единения между ними. Без сомнения, поведение великого князя московского Василия Дмитриевича, уехавшего из Москвы перед приближением к ней Едигея, не могло не вызвать упрека и осуждения. Все эти события должны были породить сравнение с тем временем, когда московский великий князь Дмитрий Иванович Донской и все русские князья мужественно бились с татарами на Куликовом поле.

Именно в это время, повидимому, и было написано „Сказание о Мамаевом побоище“, так как „Летописная повесть о Куликовской битве“ не могла удовлетворить современника Едигеева нашествия. В „Летописной повести“ недостаточно подробно были освещены все эпизоды событий 1380 года, характеризовавшие военную силу, опытность и мужество русских войск и великого князя московского. Кроме того, — и это основное — „Летописная повесть“ не отвечала и на наиболее злободневный вопрос после событий 1408 года — что обеспечило победу русских в 1380 году. И автор „Сказания о Мамаевом побоище“ поставил перед собой задачу рассказать о всех событиях Куликовской битвы, охарактеризовать то главное, что обеспечило победу русских над татарами. А этим главным, как мы можем судить по всему содержанию „Сказания“ в целом, он считал единение всех русских князей во главе с великим князем московским, личное мужество и отвагу князя московского. Автор „Сказания“ хотел на примере событий 1380 года показать силу Москвы, московского великого князя, подчеркнуть, что на первом месте среди всех русских князей стоит великий князь московский, что именно он и Москва должны объединить русских князей и руководить ими. Все это и определило публицистичность „Сказания о Мамаевом побоище“. Целью настоящей статьи является показать, что „Сказание“ — произведение художественно-публицистическое, в котором публицистичность выражена в художественных образах.

---

¹ Л. А. Дмитриев. О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“. Труды ОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—190.

Все развитие рассказа, все действующие лица памятника группируются вокруг Дмитрия Донского. „Сказание“ — это не только рассказ о Куликовской битве, но и в значительной степени произведение, посвященное восхвалению и возвеличению великого князя московского, и в этом отношении оно несколько сближается с памятниками агиографического жанра. Эта „агиографичность“ „Сказания“ выступает с тем большей силой, что оно окрашено сильным религиозным колоритом.

В церковнорелигиозной окраске „Сказания о Мамаевом побоище“ нужно видеть отражение определенного политического мировоззрения той эпохи. В церковную форму облекалась политическая мысль, политическая оценка явлений истории. Автор дает свою оценку описываемым им событиям, оценку поведения действующих лиц своего повествования, пользуясь формулами, штампами церковнорелигиозных текстов, образами библейской истории. Желая возвысить своего героя, заострить внимание читателя на нем, представить все действия и поступки князя московского наиболее правильными, стремясь нарисовать идеальный образ великого князя московского, автор „Сказания“ при изображении великого князя с наибольшей силой пользуется этой усиливающей публицистичность „Сказания“ формой изложения — религиозной трактовкой образа Дмитрия Донского.

При первом же упоминании имени великого князя автор характеризует его в ярко выраженных агиографических чертах. Эта характеристика скорее похожа на характеристику святого, чем государственного деятеля. Дмитрий Иванович представляется смиренным христианином, помышляющим только о небесном и уповающим во всем на бога: „А государь князь великий Дмитрий Иванович смирен человек и образ нося смиреномудрия, небесных желая и чаа от бога будущих вечных благ“. Характеристика „смиреномудрия“ Дмитрия как бы противопоставляется рассказу о коварных замыслах Мамаю, собирающего силы, чтобы идти войной на Русскую землю, и об измене Олега рязанского и Ольгерда литовского. Дмитрий якобы ничего не знает о предстоящем ему испытании.

Прежде всего необходимо отметить, что такая ситуация явно не соответствует действительности. Дмитрий, конечно, знал заранее о приготовлениях Мамаю — только благодаря этому он и сумел подготовить, собрать силы и выйти с ними навстречу неприятелю. Но автору литературного произведения такая ситуация необходима для того, чтобы показать моральное превосходство великого князя московского над его врагами: в то время, когда против него замышляются коварные планы, он занят лишь мыслями о боге. Говоря о моральном превосходстве Дмитрия над Мамаем, автор „Сказания“ тем самым противопоставляет захватническую враждебную Русской земле политику Орды мирным устремлениям московского князя. Захватническая, разрушительная, жестокая деятельность Мамаю осуждается, и оправдывается, объявляется справедливой борьба князя московского. Дмитрий будет бороться не ради захвата, не из личных корыстных побуждений, а встанет на защиту Русской земли. Противопоставляя гордости и „высокоумию“ Мамаю „смиреномудрие“ и „крѣтость“ Дмитрия Донского, автор тем самым показывает то главное, по его мнению, различие между двумя враждебными силами, которое явилось основой победы русских над татарами. За этими религиозными категориями нужно видеть противопоставление Руси, борющейся за свою свободу и независимость, Орде, порабоцавшей и угнетавшей в течение столетий Русскую землю.

Молитвы Дмитрия Донского, с которыми он неоднократно обращается к богу, возымели успех — русские победили векового врага. Раньше Русь терпела только несчастья и поражения от татар, и это было „наказанием“ русскому народу, ниспосланным на него „свыше“ за грехи, а Дмитрий „милостью божиею и пречистыа его матери, пособием и молитвами сродников наших, святых мученик Бориса и Глеба и молением русского святителя Петра и пособника нашего и вооружителя игумена Сергия и тех всех святых молитвами“ наголову разбил полки Мамаея. Это и было высшей оценкой силы и величия московского князя.

За этой религиозной трактовкой морального превосходства князя московского над врагами Русской земли нужно видеть высшую оценку правильности всей государственной политики Дмитрия Донского. Показывая моральное превосходство Дмитрия над Мамаем, Олегом и Ольгердом, автор „Сказания“ тем самым поддерживал правильность всей объединительной политики московских князей, проводившейся отнюдь не смиренными средствами. И хотя автор и говорит, что Дмитрий победил своих врагов „милостию божиею“, тем не менее из всего содержания произведения следует, что по сути-то помогли не молитвы, а вся реальная политика Дмитрия: подчинение своему влиянию всех князей, объединение сил для борьбы с татарами, активные военные мероприятия, подготовившие победу над Мамаем.

В „Сказании“ часто приводятся пространные молитвы Дмитрия, обращенные к богу, богородице и святым. В их характере нетрудно обнаружить определенную политическую тенденцию, стремление подчеркнуть первенство в Русской земле Москвы, великого князя московского. Особенно характерно в этом отношении упоминание в молитвах великого князя имени митрополита Петра. Последний упоминается в „Сказании“ три раза: первый раз перед выходом русских войск из Москвы, второй — в молитве перед началом боя и третий — в перечислении князем Владимиром Андреевичем тех, кто помог великому князю одолеть татар. Автор „Сказания“ подчеркивает особую роль митрополита Петра для Москвы, его особое покровительство Москве; вместе с тем он показывает и общерусскую роль этого святого, называет его русским святителем, ставит его имя рядом с именами общерусских святых Бориса и Глеба. „И вжегл тебе, — говорит он о Петре, — нам светлую свещу и постави на свещнице высоце светити всей земли Русской!“.

Во второй половине XIV—начале XV века особенно пропагандировался культ митрополита Петра, всячески подчеркивалась его святость, чудесная целебная сила его мощей. В этом стремлении придать митрополиту Петру значение общерусского святого отразилась политическая борьба Москвы за старшинство среди русских княжеств: Петр величался чудотворцем и русским святителем, вместе с тем это был первый московский митрополит и через возвеличение Петра, подчеркивание его общерусского значения, возвеличивалась Москва и показывалось ее первенство среди остальных земель и княжеств.

Для конца XIV—начала XV века характерен большой интерес к киевскому периоду русской истории. И в архитектуре, и в литературе, и в летописании, и в политических доктринах того времени обнаруживалось стремление подчеркнуть преемственность Москвы Киеву. Это объясняется не только тем, что после Куликовской битвы пробудился особый интерес к прошлому русской истории, но и той политической мыслью, которая была заключена в представлении: Москва — наследница Киева, московские князья — наследники киевских князей.

В подчеркивании преемственности Москвы Киеву можно видеть стремление узаконить господство Москвы и московского князя на Русской земле. Именно в этот период московские великие князья были озабочены составлением генеалогий, в которых возводили свой род к Владимиру Мономаху и Владимиру I. Они претендовали на все наследие киевских князей.¹ Эта тенденция нашла свое отражение и в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Дмитрий Иванович перед походом на Куликово поле призывает всех русских князей бороться за православную веру. В этом обращении он называет своих сподвижников „гнездом“ Владимира киевского, образ которого, в соответствии со всей окраской памятника, рисуется с церковно-религиозных позиций. Владимир просветил Русскую землю святым крещением и заповедал всем русским князьям „ту же веру хранить и дръжати крепко и поборати по ней“. Но самая суть этого эпизода „Сказания“ заключена в последних словах обращения князя московского: „Аз же, братие, за веру хощу пострадати, даже и до смерти“. Этим великий князь московский показывался как продолжатель дела, начатого Владимиром киевским, как преемник киевских князей. Все русские князья — потомки киевских князей, но старший среди них — великий князь московский, и поэтому именно он напоминает русским князьям об их великом предке и имеет право сказать, что стоит на страже того дела, которое было начато Владимиром киевским.

Время после Едигеева нашествия характеризуется усилением призывов к единению между русскими князьями для борьбы с „погаными“. Идеальный пример единения между князьями, которому должны следовать все русские князья, — отношения между Дмитрием Ивановичем и его братом Владимиром Андреевичем серпуховским. В грамотах конца XIV — начала XV века вассальная зависимость одного князя от другого определяется термином „брат“ (старший или младший), хотя по родству эти князья не были братьями. Так, например, по договорной грамоте Василия Дмитриевича 1389 года с Владимиром Андреевичем серпуховским, великий князь московский считается по отношению к своему дяде братом старейшим, родной брат Василия Дмитриевича, Юрий, — равным братом, остальные родные братья — младшими братьями.

Разумеется, автор „Сказания“, называя Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича братьями, имеет в виду и их родственные отношения как двоюродных братьев, но основной смысл слова „брат“ и в „Сказании“ — терминологический: Владимир Андреевич брат великого князя московского и в феодальном понимании — он младший, подчиненный князю московскому „брат“. Дмитрий Донской, обращаясь ко всем русским князьям, называет их всегда братьями, и в этих случаях слово „брат“ выступает только как термин: все князья — „младшие братья“ великого князя московского, его вассалы.

Характерно, что во всем памятнике великий князь назван братом только один раз: Владимир Андреевич, обращаясь ко всем воинам после битвы с призывом найти на поле брани великого князя московского, говорит: „Братья и друзи, русские сынове, аще кто жива брата моего обрящет, тыи поистинне пръвый будеть у наю“. В момент, когда неизвестно — жив или нет великий князь, когда Владимир Андреевич может горевать о великом князе не только как о господине, но и как о своем брате, он называет его братом, во всех же остальных случаях

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XV в.). Госполитиздат, 1946, стр. 19—20.

и Владимир Андреевич и другие князья называют Дмитрия или великим князем, или государем, или господином.

Именно как термин, обозначающий вассальные отношения, употреблял автор „Сказания“ слово „брат“, и это лишний раз говорит о том, что „Сказание“ было написано в начале XV века. Хотя все князья подчинены великому князю московскому и это выражается в том, что они его называют государем, господином, великим князем, вместе с тем они еще его „братья“.

Если бы автор „Сказания“ ограничился показом Дмитрия только как идеального государственного деятеля, удовлетворился бы характеристикой его морального превосходства над врагом, то этим он не смог бы создать полного образа идеального князя. В период обострившихся отношений с Ордой, после того как великий князь московский Василий Дмитриевич во время Едигеева нашествия оставил город на попечение вассального князя, а сам не выступил против врага, автору „Сказания“ необходимо было подчеркнуть воинскую силу, боевую отвагу и мужество великого князя московского Дмитрия Донского, которого он представлял в своем произведении идеалом князя. Поэтому Дмитрий, кротость, богобоязнь и смирение которого подчеркнуты автором, показан одновременно и как талантливый полководец, отважный и смелый воин. Дмитрий Донской, узнав о том, что на него идет Мамай, начинает принимать энергичные меры: созывает князей к себе в Москву, рассылает по Русской земле грамоты с призывом итти на битву против Мамаю, посылает в поле сторожи, уряжает полки на Коломне и перед боем ездит по полкам и призывает воинов биться насмерть с врагом, и т. д.

Автор „Сказания“ рисует и личную отвагу Дмитрия, его мужество, доблесть. Перед началом битвы Дмитрий Донской переодевается: свое царское одеяние он отдает любимому воину Михаилу Бренку, а на себя надевает боевые доспехи. Этим эпизодом автор показывает, что великий князь московский хочет биться с врагом наравне со всеми, как простой воин. Развитием этого эпизода служит рассказ „Сказания“, повествующий о желании великого князя московского биться впереди всех, а также рассказ об окончании сражения, когда оказывается, что великого князя на поле битвы нет, и после поисков его находят лежащим без чувств под деревом. Великий князь бился в самом центре боя, как богатырь, сразу с несколькими врагами, и, как богатырь, он не убит. Однако обессиленный, он отъезжает в сторону и падает почти замертво. Автор говорит, что доспехи на великом князе сильно побиты, но на его теле нет ни одной раны.

Почти все время рядом с Дмитрием Донским упоминается его двоюродный брат — серпуховский князь Владимир Андреевич. Это и другие обстоятельства послужили А. А. Шахматову основанием для предположения о том, что одним из источников „Сказания о Мамаевом побоище“ был не дошедший до нас памятник — „Слово о Мамаевом побоище“, составленный при дворе серпуховского князя и имевший своей целью „прославить этого сподвижника Дмитриева, с одной стороны, князей Ольгердовичей, с другой“.¹

Оставив пока в стороне вопрос об Ольгердовичах, остановимся на вопросе о роли Владимира Андреевича в „Сказании“. Действительно, тенденция „Сказания“ как-то выделить серпуховского князя среди

¹ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго „Повести о Мамаевом побоище“. СПб., 1910, стр. 180.

остальных князей, принимавших участие в битве на Куликовом поле, стремление всюду поставить его рядом с великим князем московским не подлежит сомнению. Но нет никаких оснований говорить, что „Сказание“ прославляет Владимира Андреевича в такой же степени, как и Дмитрия Донского. Отношение автора к этому князю на протяжении всего памятника неизменно и полностью соответствует идее всего произведения в целом; образ этот ни в какой степени не выпадает из системы всех образов „Сказания“, и поэтому нет причин считать, что для изображения князя серпуховского автор прибегал к какому-то другому литературному произведению. Выделение же Владимира Андреевича из числа всех остальных князей объясняется тем, что он и на самом деле по старшинству в феодальной иерархии стоял сразу же после Дмитрия московского; кроме того, особая близость между великим князем московским и князем серпуховским объясняется тем, что Владимир Андреевич владел „третью“ в Москве.

Как уже было отмечено выше, при характеристике образа великого князя московского в „Сказании“ постоянное упоминание двух братьев рядом, подчеркивание преданности и любви князя серпуховского к князю московскому, т. е. младшего старшему, наглядно иллюстрировало на их примере феодальную преданность младшего князя князю старшему. Автор настойчиво подчеркивает, что Владимир Андреевич — младший подчиненный князь великому князю московскому. Владимир Андреевич предстает перед читателем постоянным спутником великого князя московского, человеком без собственной инициативы — он лишь выполняет волю Дмитрия Донского.

Один, без великого князя московского, Владимир Андреевич выступает в „Сказании“ два раза: в рассказе о засадном полке и в рассказе о поисках великого князя после боя. Но и в этих эпизодах он очень несамостоятелен. В сущности, весь эпизод с засадным полком прославляет не серпуховского князя, а воеводу князя московского — Дмитрия Боброка Волынца. Формально старший в засадном полке — князь серпуховский, но во всех своих действиях он подчинен Волынцу. Время, когда полк должен выехать из засады, определяет Волынец, он же направляет воинов в битву („а стязи их направлены крепким воеводою Дмитрием Волынцем“). Во втором эпизоде Владимир Андреевич поневоле должен быть старшим. Великого князя нет на поле битвы, его ищут, а Владимир Андреевич — первый после него, и поэтому он временно как бы возглавляет все русское войско. Но и в этом случае он пассивен и беспомощен, он не знает, что ему делать без великого князя, „победы победителя“, он в совершенном отчаянии, так как без Дмитрия теряется всякий смысл победы: „Аще пастырь поражен и овцы разыдутся, кому сиа честь будеть, кто победе сей явися?“. Таким образом, и в этом эпизоде автор „Сказания“ ставит перед собой задачу подчеркнуть, что не князь серпуховский — глава засадного полка, решившего исход боя, был настоящим „победы победителем“, а великий князь московский, без которого русское войско окажется как овечьё стадо без пастыря.

Судя по ряду летописных записей, мы видим, что Владимир Андреевич был незаурядным военным полководцем: он принимал участие во всех походах Дмитрия Донского, многими военными операциями великого князя он руководил самостоятельно. Владимир Андреевич возглавлял оборону Москвы во время угрозы нашествия Тамерлана в 1395 году и во время Едигеева нашествия в 1408 году. Все это дает основание предполагать, что он должен был играть важную роль и в Куликовской

битве. Во всяком случае современники присвоили ему после Мамаева побоища, как и Дмитрию Ивановичу московскому, прозвище Донского.¹

При чтении же „Сказания“ создается впечатление, что автор памятника преуменьшил роль Владимира серпуховского в событиях 1380 года сравнительно с действительностью. Это объясняется публицистической направленностью произведения. Основное идейное значение этого образа в памятнике определяется заданием показать пример вассального служения младшего князя старшему, удельного князя великому князю московскому. Поэтому, как самостоятельная личность, князь серпуховский для автора „Сказания“ не представлял интереса. Ему необходимо было подчеркнуть верность, преданность князя серпуховского князю московскому, и потому в „Сказании“ Владимир Андреевич предстает человеком пассивным, выполняющим только волю великого князя московского.

Верными вассалами, безусловно служащими великому князю московскому, представлены в памятнике также и остальные русские князья, принявшие участие в походе Дмитрия.

Автор изображает русских князей как единодушную группу, сплотившуюся вокруг великого князя московского. Этим объясняется то, что индивидуально, за редким исключением, князья никак не характеризуются автором. Он или говорит о них всех „князи русские“, „князи и воеводы“, или же, как, например, в рассказе об урядении полков называет при их перечислении имена князей. На призыв Дмитрия встать на защиту Русской земли, христианской веры, князья отвечают „все купно, аки единымы усты“ готовностью „умрети с тобою (великим князем, — Л. Д.) и главы свои положити за святую веру христианскую и за твою великую обиду“.

Наиболее ярко эта преданность великому князю московскому всех князей русских показана в эпизоде, рассказывающем о желании великого князя биться впереди всех. Они не разрешают ему биться наравне со всеми, он — старший среди них и поэтому должен стоять в стороне от битвы и наблюдать за тем, как будут биться за его дело вассальные князья: „Не подобаеь тебе, великому князю, наперед самому в плъку битися, тебе подобаеь особь стояти и нас смотри ти а нам подобаеь битися и мужство свое и храбрость пред тобою явити“. Великий князь московский — их господин и судья их дел: после битвы он должен одарить каждого по заслугам: „Егда ты господь упасет милостию своею, и ты разумеши, кого чим даровати“. Как в ответ на первое обращение Дмитрия, так и в этом эпизоде князья говорят о своей готовности умереть за великого князя и за его дело: „Мы же готови есмя в сий день главы свои положити за тебя, государя, и за святыя церкви и за православное христианство“.

Рассмотренный эпизод, без сомнения, имел особенную остроту в то время, когда было написано „Сказание“. Это обращение князей к Дмитрию отражало воинскую практику того времени: великий князь не должен рисковать во время боя своей жизнью, он старший, он верховный руководитель, он должен руководить сражением, наблюдать за ходом боя, а не участвовать в нем наравне со всеми воинами. Для непосредственного руководства сражением существуют воеводы и вассальные князья, которые обязаны выполнять волю великого князя.²

¹ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, стр. 298.

² Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. Труды ОДРА, т. VII, 1949, М.—Л., стр. 43.

Во время Едигеева нашествия великий князь московский Василий Дмитриевич, как отмечено выше, уехал из Москвы, что не могло не вызвать осуждения, недовольства его поступком со стороны современников. И автор „Сказания“, выражая в словах князей, обращенных к великому князю, свою точку зрения на то, как должен вести себя во время боя великий князь московский, и, очевидно, осуждая поведение Василия Дмитриевича, покинувшего Москву в опасное для нее время, ярко описал воинскую доблесть и мужество Дмитрия Донского — отца Василия Дмитриевича. Во всяком случае, являясь сторонником того, что великий князь не должен рисковать своей жизнью во время боя, автор „Сказания“ на примере Дмитрия показывает, вместе с тем, что великий князь должен лично находиться на поле сражения, быть примером воинской отваги и мужества.

Среди исторических лиц „Сказания“ мы встречаем имя митрополита Киприана. Почему автор „Сказания“ ввел его в число действующих лиц своего повествования, хотя на самом деле во время событий 1380 года Киприана в Москве не было? Кратко напомним историю поставления митрополита Киприана на московскую и всея Руси митрополию и характер его отношений с великим князем московским.

Киприан получил назначение на русскую митрополию в 1375 году, еще при жизни митрополита Алексея. В том же году он приехал из Константинополя в Литву и оттуда пытался предъявлять свои права на кафедру митрополита всея Руси. На это он получил такой ответ от великого князя: „Есть у нас митрополит Алексей, а ты почто ставишися на живаго митрополита?“. Киприан временно остался в Литве и стал ожидать дальнейшего развития событий.

В 1378 году митрополит Алексей умер. По смерти Алексея вступало в силу законное право на его место Киприана. Поэтому он сразу же и отправился из Литвы в Москву. Но, как это известно из послания Киприана к Сергию,¹ по повелению великого князя Киприан еще до въезда в Москву был задержан вместе со своей свитой. Некоторое время его продержали под стражей в Москве и затем тайно выслали из Москвы назад, в Литву. Происходило это в июне 1378 года.

Столь неприязненное отношение Дмитрия к Киприану объясняется не только тем, что последний предъявил свои права на русскую митрополию еще при живом митрополите, к которому великий князь московский относился с большой теплотой и уважением, но главным образом тем, что Дмитрий Донской хотел видеть на митрополичьем столе своего ставленника — архимандрита придворного Спасского монастыря Михаила или, как его называют летописи, Митяя. Дмитрий хотел поставить его в митрополиты собором русских епископов. Но из-за возражений епископа суздальского Дионисия это поставление не состоялось. Тогда великий князь, снарядив пышное посольство, отправил Митяя в Константинополь. По дороге, на корабле, Митяя умер. Архимандрит Пимен из свиты Митяя интригами и подкупами получил в Константинополе митрополичий сан без ведома и согласия на то великого князя. Все это происходило в 1379—1380 годах. Дмитрий, узнав о самовольном поставлении в митрополиты Пимена и не желая видеть его на митрополичьей кафедре, позвал в Москву Киприана. В мае 1381 года Киприан прибыл из Киева в Москву. В этом же году в Москву вернулся

¹ Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. Изд. 2, СПб., 1908, стлб. 173—186.

из Константинополя митрополит Пимен. По приказанию великого князя он был отправлен в заточенье в Чухлому. Но уже в октябре 1382 года великий князь прогнал Киприана из Москвы, а на его место поставил Пимена, который, однако, почти все время пробыл в Константинополе, где ему приходилось оспаривать свое право на митрополичью кафедру: на это место претендовали и суздальский епископ Дионисий, также находившийся в Константинополе, и Киприан.

В 1389 году умер великий князь московский Дмитрий Иванович Донской, в этом же году умер Пимен, еще раньше, в 1385 году, умер Дионисий. Таким образом, путь к митрополичьей кафедре Киприану после многолетней „замятни“ на русской митрополии оказался свободным. Василий Дмитриевич, в том же 1389 году заняв великокняжеский стол, зовет на митрополию Киприана. В 1390 году Киприан приезжает в Москву. С этого года и до самой смерти в 1406 году он бесценно занимал митрополичью кафедру.

Итак, в 1380 году Киприана в Москве не было и не было вообще никакого митрополита, и благословлять поход Дмитрия ни Киприан, ни какой-либо другой митрополит не мог. Чем же объяснить то обстоятельство, что автор „Сказания“, явно противореча исторической правде, ввел в число действующих лиц своего повествования митрополита Киприана?

Автору „Сказания“, поставившему своей целью на примере Дмитрия Донского показать идеальный образ великого князя московского, совершенно необходимо было представить его поддерживающим прочный союз с митрополитом. Для феодального периода сила, мощь, первенство соперничающих между собой княжеств определялись не только силой княжеской власти, но и тем, что в этом княжестве наряду с высшей государственной властью находилась и высшая церковная власть. Достаточно напомнить, какое огромное значение придавал Иван Калита перенесению митрополичьей кафедры в Москву и как он много сделал для того, чтобы подготовить почву с помощью митрополита Петра для официального в дальнейшем перенесения митрополичьей резиденции в Москву.

В произведении не документальном, историческом, а художественном, каким является „Сказание о Мамаевом побоище“, из соображений публицистических автор мог ввести в число действующих лиц и митрополита Киприана, хотя это и противоречило историческим фактам. Примеры такого вольного обращения с фактами в художественных произведениях древнерусской литературы мы наблюдаем и в самых ранних и более поздних памятниках. В „Слове о полку Игореве“ автор, для того чтобы подчеркнуть мужество и отвагу Игоря, переносит солнечное затмение ко времени до выступления Игоря в поход, хотя на самом деле оно произошло уже во время похода; в „Казанской истории“ автор заменяет разряды войск, действовавшие под Казанью в 1552 году, разрядами ливонских походов начала 60-х годов XVI века.¹

Подчеркивая религиозность Дмитрия, его смирение, рассказывая о постоянных молитвах великого князя московского, упоминая в своем рассказе игумена Сергия, епископа коломенского, автор „Сказания“ не мог не рассказать о единстве, о союзе между великим князем и митрополитом. Это тем более нужно было сделать автору „Сказания“, что период конца XIV — начала XV века, в противоположность всему

¹ Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“. Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, примечание на стр. 272—273.

предшествовавшему периоду в истории Московского княжества, на самом деле ознаменовался нарушением тесного союза великокняжеской власти с властью духовной, что ослабляло позицию московского князя среди отдельных русских княжеств. Наиболее резко это проявлялось во время княжения Дмитрия, после смерти митрополита Алексея. Василий Дмитриевич пытался восстановить это единение между великим князем московским и митрополитом, он всячески стремился привлечь на свою сторону и Киприана и его преемника, митрополита Фотия, но добиться такого тесного союза с митрополитом, какой был во времена митрополитов Петра и Алексея, он не смог.

Если мы рассмотрим те эпизоды, где встречается имя митрополита Киприана, то увидим, что непосредственно к военным событиям, к битве на Куликовом поле Киприан отношения не имеет. Он выступает как официальное духовное лицо, необходимое для совершения религиозного обряда и для религиозно-моральных суждений о том или ином событии. И сама личность Киприана в данном случае значения не имеет, важно не то, что это Киприан, а то, что это митрополит, высшее духовное лицо на Руси. Митрополит нужен автору „Сказания“ для того, чтобы через него дать оценку с позиций религиозной морали действиям и поступкам великого князя московского, историческим событиям, связанным с Куликовской битвой.

Таким образом, из публицистических соображений, стремясь показать на примере Дмитрия Донского образец идеальных отношений великого князя с остальными русскими князьями и с русской церковью, автор „Сказания“, вопреки историческим фактам, делает Киприана участником событий 1380 года и показывает его, опять-таки в противоположность истинному характеру деятельности Киприана на митрополичьем столе, верным союзником и сторонником действий великого князя московского.

Сравнительно очень большое внимание в памятнике уделено литовским князьям Ольгердовичам. Это послужило А. А. Шахматову одной из причин для предположения о существовании особого литературного памятника о Куликовской битве, в котором прославлялись Владимир Андреевич, Ольгердовичи и Дмитрий Боброк Волынский. Но, как нельзя было согласиться с этим по отношению к Владимиру Андреевичу, так же нет никаких оснований считать, что эпизоды с Ольгердовичами в „Сказании“ имеют своим источником какой-то другой памятник. Все эпизоды, посвященные этим князьям, принадлежат автору „Сказания о Мамаевом побоище“. Рассказ о них тесно связан с образом литовского князя Ольгерда. Поступку Ольгерда, присоединившегося к Мамаю, противопоставляется поступок его детей, которые для защиты православной веры пошли против родного отца. Для того чтобы сильнее подчеркнуть это противопоставление Ольгердовичей Ольгерду, автор „Сказания“, вопреки исторической правде, представляет все дело так, как будто бы Ольгердовичи ушли перед самой Куликовской битвой от отца и перешли на службу к Дмитрию Донскому. На самом деле в 1380 году и Андрей и Дмитрий Ольгердовичи находились уже на службе у великого князя московского и, как его вассалы, должны были принимать участие в походе великого князя. Андрей Ольгердович добровольно перешел на сторону московского князя еще в 1377 году. Дмитрий Ольгердович во время похода на Литовскую землю войск великого князя в 1379 году, при осаде Трубчевска — отчинного города Дмитрия Ольгердовича, „не стал на бой, ни поднял руку противу великого князя, но со многым смиреннем изыде из града, и со княгинею своею и з детми своими и з бояре,

и прииде на Москву в ряд к великому князю Дмитрею Ивановичю, и урядися у него в ряд и крепость взя“.¹

Рассказ об Ольгердовичах в „Сказании“ в заостренной публицистической форме отражает отношение русского общества в начале XV века к Литве, ставит вопрос о союзе с Литвой. Несмотря на, то что в княжение Василия Дмитриевича (1389—1425) отношения между Русью и Литвой в общем носили союзнический характер (напомним, что Витовт был тестем Василия Дмитриевича), постоянные столкновения между русскими княжествами и Литвой не прекращались и в это время. Однако наряду с враждебными отношениями между Русью и Литвой были обстоятельства, которые сближали их между собой. В состав Литвы входило большое количество княжеств и земель с исконным русским населением. Литва была тесно связана с Русской землей единством веры. Во время написания „Сказания“ Русь и Литва составляли единую митрополию: и для Литвы митрополитом был митрополит московский. Особенно сильно обозначилась близость православного населения Литвы к Руси после 1385 года. В этом году была заключена Кревская уния, в результате которой в Литве значительно расширилось польское влияние и влияние католицизма. Это вызвало усиленный отъезд на Русь из Литвы русских князей, русского населения, обрусевших литовцев. Двойственный характер взаимоотношений между Москвой и Литвой определял и противоречивое отношение Руси к Литве той поры: с одной стороны Литва — старый враг Москвы, но вместе с тем в ней есть силы, люди, близкие к Руси и дружественно по отношению к ней настроенные, — это население исконно-русских земель, входивших в состав Литвы, пограничные князья, нередко выступавшие на стороне великого московского князя.

Ольгерд и Ольгердовичи в „Сказании“, трактовка автором их взаимоотношений и их отношения к московскому князю отражают это двойственное отношение к Литве, которое действительно имело место в начале XV столетия. Рассказом о литовских князьях автор „Сказания“ показывал, что литовские князья, исповедующие православную веру, должны идти на службу к московскому князю, защищать интересы Русской земли. Автор старается подчеркнуть, что выступление Ольгердовичей на стороне московского князя в его борьбе с татарами — угодное богу дело. Поэтому все поступки Ольгердовичей оцениваются им с точки зрения церковнорелигиозной морали: поступок Ольгердовичей — „милость божиа“. Сами Ольгердовичи сообщают великому князю: „господь бог посла нас к тебе на твою помощь“.

То, что в „Сказании“ уделяется так много внимания Ольгердовичам, показывает остроту вопроса о взаимоотношениях Руси с Литвой в начале XV века. Эпизод с Ольгердовичами, подчеркнuto подробно рассказанный автором „Сказания“ и в значительной степени, как нам уже известно, сочиненный им, нужен автору совершенно не для того, чтобы рассказать об их воинской доблести (в этом отношении показательно то, что в рассказе о битве Ольгердовичи не упоминаются совершенно, нет нигде характеристики войска этих князей, воинов литовцев), а для того, чтобы пропагандировать идею союза русских князей с православными князьями Литвы в борьбе с татарской опасностью.

Положительным персонажам „Сказания“ противопоставлены враги Русской земли, враги великого князя московского.

¹ ПСРА, XI, стр. 45.

Противопоставление русским татар проведено чрезвычайно прямолинейно. Мамай рисуется автором „Сказания“ в резко отрицательных тонах. Образ этот строится как антитеза Дмитрию Донскому. Если за Дмитрием, за всеми его поступками и делами стоит бог, то за Мамаем — дьявол: „От навождения дьявола вздвижес княз от вѣсточныа страны, имянем Мамай... И начать подстрекати его дьявол“. В отличие от великого князя московского, Мамай наделен непомерной гордостью и „высокоумием“.

В таком же прямолинейном противопоставлении русским воинам изображается военная сила врага. Если русские воины накануне битвы укрепляются в своем решении насмерть биться с „погаными“, то татары омрачаются, думая о предстоящем бое. Даже ночь накануне боя кажется иной русским и их врагам: „Поистине бо рече пророк: ночь не светла неверным, а верным просвещена“. Перед боем „начаша гласи трубнии обоих плѣков сниматися: татарьскыя ж трубы яко онемеша, а русские трубы паче утврѣдишася“.

Гораздо сложнее обстоит дело с изображением в памятнике изменников, присоединившихся к Мамаю, чтобы вместе с ним выступить против московского князя. Они тоже противопоставляются Дмитрию Донскому, но не так прямолинейно, как Мамай. Автор уделяет им гораздо больше внимания в своем рассказе, чем Мамаю и татарам вообще.

Отношение „Сказания о Мамаевом побоище“ к Олегу рязанскому отличается от той оценки этого князя, которую ему дает „Летописная повесть“. В „Летописной повести“ Олег рязанский называется „льстивым сотоньщиком“, „дьяволим советником“, „лукавым сыном“, „душегубивым Олгом“, врагом, изменником, отступником, Иудой-предателем. В „Сказании“ мы не видим столь резкого и гневного осуждения Олега рязанского; здесь отношение к нему более спокойное. Автор „Сказания“ также считает рязанского князя изменником и предателем и называет его однажды „Святополком новым“, но в тоне, в характере изображения этого князя чувствуется скорее насмешка и пренебрежительное отношение к нему. Основная мысль, которая проходит через все авторские восклицания и характеристики, даваемые им рязанскому князю, заключается в подчеркивании скудоумия Олега рязанского: „Скудость же бысть ума в главе его“, „умысливши своим худым умом“ и т. п.

„Сказание“ писалось в то время, когда между московскими и рязанскими князьями установились прочные дружественные отношения. Олег рязанский к тому времени умер, и у автора „Сказания“ уже не было столь острого неприязненного чувства к нему, как у автора „Летописной повести“; поэтому он так сдержан и спокоен в даваемых Олегу рязанскому отрицательных эпитетах. Автор „Сказания“ отмечает, что Олег — изменник, предатель общерусского дела, но эта измена рязанского князя затрагивает и волнует его, в отличие от автора „Летописной повести“, уже не столько как реальный факт, сколько как пример нарушения вассальной верности великому князю московскому. Автор „Сказания“ показывает, что Олег рязанский просчитался и оказался благодаря своей измене в невыгодном положении даже с точки зрения интересов своего княжества.

Сначала Олег замышляет только против Дмитрия, думая присоединить к своему княжеству княжество Московское, а не против всей Русской земли. Он даже надеется, что и воевать-то ему против Дмитрия не придется, так как великий князь московский сам убежит из Москвы, и тогда он, Олег, вместе с литовским князем разделат Мос-

ковское княжество между собой. Но когда Олег узнает, что Дмитрий идет против Мамаея и что на его стороне все русские князья, то он уже не осмеливается итти против московского князя. Ведь в этом случае ему придется бороться не против одного князя московского, а против всей Русской земли, против православной веры. Московский князь — не только князь отдельного княжества, но он высший князь над всеми русскими князьями, он олицетворяет собой всю Русскую землю.

В образе Олега рязанского автор показывает, что защита местных интересов толкает к измене общерусскому делу, приводит русского православного князя к тому, что он выступает против православной веры. Такое изображение князя рязанского в „Сказании“ обусловлено всем идейным смыслом этого произведения, призывом к единению князей, к полному подчинению великому князю московскому. Итти против князя московского — значит итти против всей Русской земли, против христианства.

Текстологическое сопоставление различных редакций „Сказания“ свидетельствует о том, что в первоначальном авторском тексте „Сказания“ имя литовского князя, союзника Мамаея, было Ольгерд, в то время как на самом деле литовским князем в те годы был его сын Ягайло.¹ Почему автор „Сказания“, вопреки исторической правде, назвал литовским князем Ольгерда, к 1380 году уже умершего?

Мы видели уже, что „Сказание о Мамаевом побоище“ в интересах более яркого раскрытия основной идеи отступает в некоторых случаях от исторической документальности. Для русского человека конца XIV—начала XV века, а особенно для москвича, имя Ольгерда было связано с воспоминаниями о его многочисленных походах на Московское княжество. Ягайло же ни разу не воевал против московского князя. Достаточно привести летописную запись о смерти Ольгерда, чтобы представить отношение к нему на Руси: „В лето 6885 умре великий князь литовский Олгерд зловерный, безбожный и нечестивый“.²

Имя Ольгерда тесно связывалось с тверским князем Михаилом Александровичем, которому он неоднократно помогал в его борьбе с великим князем московским. Первый раз Ольгерд пошел на Москву в 1368 году. Он дошел до самой Москвы и осадил город, но взять его не смог. Летописец оканчивает рассказ об этом походе Ольгерда на Москву такими словами: „А преже сего таково зло не бывало Москве от Литвы; аще и от татар много зла бывало, но от Литвы едино се зло сотворися, и то окаянно и всегубительно“.³ В 1371 году Ольгерд второй раз идет на Москву, осаждает город и стоит под ним семь дней, но взять его снова не может и заключает с московским князем мир, подкреплением которого явился брак дочери Ольгерда, Елены, с двоюродным братом великого князя, Владимиром Андреевичем. Но уже в 1372 году в союзе с тверским князем Ольгерд снова идет против московского князя. В бою под Любутском победу одержал Дмитрий Донской. Из этих примеров мы видим, что Ольгерд был опасным и неизменным противником великого князя московского, набеги Ольгерда на Москву и опустошения, причиняемые им Русской земле, делали его имя на Руси, а особенно в Москве и Московском

¹ Л. А. Дмитриев, ук. соч., стр. 185—199.

² ПСРА, XXIV, стр. 133.

³ ПСРА, XI, стр. 11.

княжестве, ненавистным, что так ярко выразил летописец в приведенной выше записи.

В начале XV века литовским князем был Витовт; с его именем связывалось представление о новых отношениях с Литвой, которые установились во время княжения Василия Дмитриевича и, несмотря на целый ряд столкновений и неприязненных действий Витовта против западных русских княжеств, в общем имели тенденцию к переходу в союзнические связи с Московским княжеством. Ягайло в это время был королем польским и назывался другим именем — Владислав. Непосредственно князем литовским Ягайло был очень непродолжительное время (1377—1385), и для человека начала XV века он, как историческая личность, если и был известен, то скорее всего как король польский Владислав. С именем же Ольгерда связывалось представление о характере русско-литовских отношений до Витовта, во второй половине XIV века. За именем Ольгерда стоял целый ряд представлений о конкретных исторических событиях, в которых он выступал как ярый враг Москвы, Русской земли. Поэтому, у читателя „Сказания о Мамаевом побоище“ образ литовского князя, врага Русской земли, вступившего в союз с Мамаем, чтобы идти войной на Русь, скорее мог ассоциироваться с именем Ольгерда, так как все его походы на Русь происходили незадолго до Мамаева побоища, во время фактического господства Мамая в Орде. А через небольшой промежуток времени автор художественно-публицистического произведения тем более мог позволить себе произвести такое соединение двух врагов Москвы в действиях, столь важных для истории Московского княжества и Руси вообще, как битва на Куликовом поле. Автор памятника, разумеется, произвел эту замену имени литовского князя не в силу того, что и у него в сознании произошло это „перемещение“ исторических имен, а сделал это совершенно сознательно.

Делая союзником Мамая Ольгерда, автор „Сказания“ тем самым особенно ярко подчеркивал силу и мощь московского князя. И татары, которые угнетали и подавляли Русь с злополучного года битвы на Калке, и литовский князь, который трижды угрожал Москве и нанес столько бедствий ее жителям, на этот раз потерпели поражение, так как с московским князем объединились почти все остальные русские князья и биться вышел весь русский народ. Ольгерд, старый опытный воин, о воинской хитрости и доблести которого с уважением и некоторым даже восхищением отзывается русский летописец, в „Сказании“ предстает перед читателем обманутым и посрамленным. Эта насмешка над исконным врагом Русской земли унижала в глазах читателя литовского князя, показывала превосходство Руси над Литвой.

Рассматривая принцип изображения героя в произведениях древнерусской литературы, В. П. Адрианова-Перетц пишет: „Оценка героя с определенной общественно-политической позиции лежит в основе каждого исторического портрета, который, таким образом, характеризует не только изображаемого исторического героя, но и самого автора, и классовую позицию того общественного строя, выразителем мнения которого является этот автор. В основе авторского выражения лежали реальные требования данного этапа развития феодального строя, поскольку эти требования признавались самим автором. Если герой в действительности и далек был от идеального выполнения этих требований, автор наделял его чертами примерного поведения, имея в виду поучительную цель — дать образец феодала данного исторического момента, показать его с лучших сторон, собрав эти стороны

в одном лице, хотя бы в действительности его исторический герой лишь в слабой степени напоминал этот примерный портрет¹.

Очевидно, в „Сказании“ целый ряд эпизодов, подробностей, относящихся к истории похода, к организации разведки, боя, подробностей военно-исторического характера, связанных с великим князем московским, является отражением исторических фактов, сведений о которых по другим источникам у нас нет; но совершенно очевидно также, что во многом, а особенно в самой трактовке и освещении автором „Сказания“ героев своего повествования, перед нами не отражение исторических событий 1380 года, а отражение идеологии автора „Сказания“, идеологии начала XV века.

Автор „Сказания о Мамаевом побоище“ поставил перед собой задачу рассказать о победе русских на Куликовом поле для того, чтобы в годы княжения Василия Дмитриевича, после Едигеева нашествия, показать, в чем была причина победы Дмитрия Донского над врагом, численно превосходившим русское войско, во время нашествия Мамай, не менее страшного, чем нашествие Едигея.

Современники Едигеева нашествия главную причину поражения русских и успеха Едигея видели в недостаточном единодушии русских князей, а также, очевидно, в том, что великий князь не возглавил лично борьбу против татар. И автор „Сказания“ на примере Дмитрия Донского нарисовал идеальный образ великого князя московского; на примере единения русских князей вокруг князя московского и их верности ему во время событий 1380 года он показал образец тех отношений, которые должны существовать между великим князем московским и удельными князьями. Рассказывая после тяжелых последствий Едигеева нашествия о блестящей победе русских на поле Куликовом, автор „Сказания“ тем самым говорил, что русские сильнее татар и что с Ордой можно и нужно бороться.

Сторонниками сильной княжеской власти, и именно князя московского, в начале XV века являлись внутри господствующего класса служилые бояре, „подручные князья“ князя великого и другие группы служилого слоя феодалов. Они были заинтересованы в усилении власти великого князя московского, в том, чтобы остальные русские князья и княжества находились в полном подчинении одного сильного князя, каким в то время уже был великий князь московский. Усиление великокняжеской власти было обусловлено развитием экономики страны, отвечало экономическим интересам служилого слоя феодалов. Усиление единовластия московского князя и подчинение ему всех остальных русских князей было необходимо для борьбы с внешними врагами Русской земли и в первую очередь с татарами. Именно эти идеи, эти устремления отразил автор „Сказания“ в своем произведении, показывая на примере Куликовской битвы успех объединения и подчинения всех русских князей великому князю московскому.

Классики марксизма-ленинизма учат, что в период феодальной раздробленности идея королевской власти является идеей прогрессивной, отвечающей интересам широких трудовых масс. „Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XIV—начала XV в. и народная поэзия. Труды ОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 112—113.

революционные элементы, которые образовались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним¹. Поэтому интересы служилых групп господствующего класса, поддерживавших усиление и рост Москвы и стоявших за утверждение единовластия великого князя московского, в какой-то мере совпадали с интересами широких народных масс. И автор „Сказания“, выступивший сторонником единовластия, отразил тем самым и интересы трудовых народных масс, что свидетельствует о прогрессивности „Сказания о Мамаевом побоище“.

Хотя „Сказание о Мамаевом побоище“ все проникнуто духом восхваления Москвы, великого князя московского, у нас все же нет оснований утверждать, что автором его должен был быть обязательно москвич, так как подобная „промосковская“ идеология могла иметь место не только у москвича. Но из какого бы княжества ни происходил автор „Сказания“, в каком бы месте он ни писал свое произведение, совершенно ясно, что этот памятник должен быть назван памятником московской литературы, так как он посвящен Москве, великому князю московскому, выражает идеологию растущей и укрепляющейся Москвы как единого центра Русского государства.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 445.